

ФЕЛЬТОНЪ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Журнальные новости.

На дняхъ въ одномъ обществѣ, интересующемся литературой, была прочитана статья г. Иванова, напечатанная въ „Артистѣ“, подъ заглавіемъ „Современный герой“. По прочтеніи возникли оживленные и продолжительныя прерія на тему, заданную авторомъ критической статьи. Однимъ казалось, что г. Ивановъ категорически отрицаетъ существованіе въ наше время „героевъ“: есть, говоритъ онъ, теперь только нитиды, неврастеники, да скептики; другіе ссылались на дальнѣйшія страницы и находили, что у г. Иванова рѣчь идетъ о герояхъ не какъ о выдающихся личностяхъ, а какъ о типичныхъ дѣйствующихъ лицахъ въ произведеніяхъ литературы. Вотъ это-то, такъ сказать, разногласіе въ корнѣ, разногласіе на счетъ самой темы и любопытно. Выходитъ, что г. Иванова можно понимать и такъ, и этакъ, смотря по желанію.

Это правда. Почтенный критикъ иногда пишетъ такъ, что его невозможно передать, потому что невозможно опредѣленно понять. Если онъ выдвигаетъ извѣстное положеніе, то вслѣдъ затѣмъ вы должны ожидать отъ него такой оговорки или поправки, которая цѣликомъ сметаешь смыслъ предыдущихъ словъ. Не помню, кто-то въ печати замѣтилъ, что такимъ писателямъ, какъ извѣстный критикъ, можно въразъ только шагъ за шагомъ, фраза за фразой и строчка за строчкой. Это самый вѣрный и даже единственный способъ показать писательскую слабость тѣхъ литераторовъ, которые выѣзжаютъ на общихъ мѣстахъ съ противорѣчивыми частностями.

Когда вы читаете произведеніе г. Иванова, у васъ является рядъ вопросовъ самому автору, именно потому, что его положенія весьма неопредѣленны и его утвержденія крайне бездоказательны, если не совсѣмъ голословны. Вотъ статья о „Современномъ героѣ“. Разъ такое заглавіе возможно, стало-быть, г. Ивановъ признаетъ существованіе героя. — Еще бы! Въ наше время живутъ тоже люди, имѣющіе свои страсти, стремленія, планы и такъ или иначе дѣйствующіе; следовательно, литературѣ есть кого представлять въ извѣстныхъ образахъ и типахъ; следовательно, „современный герой“, плохой или хорошій, все-таки существуетъ. Но... здѣсь есть у г. Иванова такое большое но, которое пригибаетъ все предыдущее „ниже тоненькой былинки“. Авторъ говоритъ, что „въ наше время въ русской литературѣ царствуетъ образованная тишь да гладь“, такая „гладь“, что и героевъ негдѣ взять. Значитъ, тутъ г. Ивановъ разумѣетъ уже подъ

героемъ не просто типъ, но дѣйствующее въ романахъ и драмахъ лицо, а выдающуюся, блестящую личность. Далѣе, перейдя къ произведеніямъ г. Чехова, нашъ авторъ снова перепутываетъ оба понятія, и въ концѣ концовъ получается одно очень значительное недоумѣніе: о комъ говорить г. Ивановъ? Если о „блестящихъ личностяхъ“, то, можетъ статься, ихъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ; если о дѣйствующихъ лицахъ, окрашенныхъ цвѣтомъ нашей эпохи, то онѣ не могутъ не быть. Повидимому, критикъ казнить нашу „тишь да гладь“ за отсутствіе героевъ перваго рода, но въ такомъ случаѣ кого онъ называетъ „блестящею личностью“? На этотъ вопросъ вы не имѣете опредѣленнаго отвѣта, ибо у г. Иванова—привычка такая: говорить „вообще“. Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ—все это, по мнѣнію нашего автора, „блестящія натуры“; но даромъ же сами творцы поставили ихъ именами заглавій произведеній. Положимъ... Но въѣдъ незабвенной памяти Павелъ Ивановичъ Чичиковъ тоже пріѣхалъ на заглавной страницѣ „Мертвыхъ душъ или Похожденій Чичикова“, и тоже „обозначаетъ“ эпоху. Знаменитая фамилія Илья Ильича всѣми буквами пропечатана въ заглавіи романа „Обломовъ“ и тоже „обозначаетъ“ извѣстную эпоху. Что-же, и это „блестящія натуры“? Конечно, г. Ивановъ хочетъ сказать не то, что старая литература занималась только блестящими натурами, а что-то другое, намъ непонятное.

Мы не имѣемъ намѣренія останавливаться на статьѣ критика нѣкоторыхъ почтенныхъ изданій и упоминаемъ о ней лишь кстати. Последнія страницы г. Иванова посвящаетъ г. Чехову, его „героямъ“, которыхъ онъ не рѣшается отнести къ блестящимъ натурамъ. Интересно было-бы знать—почему? Почему г. Ивановъ лишаетъ привилегированнаго званія „блестящей натуры“, напримѣръ, чеховскаго Лихарева, очень похожаго на тургеневскаго Рудина? Какой критеріумъ? гдѣ разграниченіе? Да, вопрошать г. Иванова вы можете сколько угодно и яснаго отвѣта не получите или, напротивъ, онъ дастъ сразу нѣсколько отвѣтовъ, изъ которыхъ выбирайте любой. Но, повторяемъ, не въ г. Ивановѣ суть: суть въ г. Чеховѣ, въ писателѣ очень интересномъ и для московскаго критика. Статьей г. Иванова читатель долженъ заинтересоваться по столько, по-скольку она касается талантливаго беллетриста.

Критикъ, между прочимъ, пишетъ въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Чехова „подняты серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія; именно здѣсь съ полною ясностью сказались стремленія литературы отдать отчетъ въ замѣнахъ времени“. Это вѣрно, въ современной русской литературѣ нѣтъ другого молодого писателя, который бы съ такой рѣшительностью ставилъ вопросы тамъ,

гдѣ для другихъ находится непреложная истина. Если анализъ есть характерная черта нашего времени, если скептицизмъ есть преобладающее изъ нынѣшнихъ настроеній, то г. Чеховъ по его послѣднимъ произведеніямъ долженъ быть признанъ очень яркимъ аналитикомъ и послѣдовательнымъ скептикомъ. По той смѣлости, съ какою онъ подходитъ къ общепризнаннымъ нормамъ, его можно поставить рядомъ съ гр. Л. Н. Толстымъ. Конечно, между ними остается еще различіе таланта, а кроме того еще большее различіе въ путяхъ, которыми они идутъ. Гр. Толстой сомнѣвается, анализируетъ и отрицаетъ во имя своего идеала; г. Чеховъ дѣлаетъ то же самое въ цѣляхъ созданія новаго идеала, ему еще неизвѣстнаго. Гр. Толстой расчищаетъ мѣсто и знаетъ (ему кажется, что знаетъ), какое зданіе слѣдуетъ построить на мѣстѣ разрушеннаго. Г. Чехову неизвѣстно, что будетъ „на мѣстѣ семъ“, но, по его мнѣнію, старая постройка не годится и ее нужно разобрать, разбросать.

Въ январской книжкѣ „Русской Мысли“ помѣщенъ новый рассказъ г. Чехова — „Бабье царство“. Здѣсь описаны полтора дня изъ жизни богатой, честной, доброй дѣвушки, нѣкоей Анны Акимовны; только полтора дня, но тутъ — вся жизнь героини. Анна Акимовна тяготится своимъ богатствомъ; ей совѣстно не знать нужды въ то время, когда тутъ же рядомъ, на ея фабрикѣ, люди находятся въ нищетѣ, въ постоянной борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба и въ ностоянной обидѣ отъ разныхъ управителей Назарычей. Она хочетъ помогать имъ, дѣлать добро, и только не знаетъ, съ какой стороны за такое дѣло взяться. Это хорошо. Но развѣ въ этомъ заключается настоящая жизнь? Анна Акимовна не можетъ успокоиться на филантропіи, не можетъ чувствовать себя удовлетворенной. Есть другія потребности, которыя не удовлетворены, есть другія желанія, которыя не исполнились. Есть, наконецъ, стремленіе къ личному счастью, къ семейной жизни, — стремленіе столь же естественное и законное, какъ и все прочее. Анна Акимовна лишь на половину живетъ; и даже не живетъ, а какъ-то механически выполняетъ софѣты, вычитанные въ умныхъ книжкахъ. Существованіе ея — сѣренькое, блѣдное, скудное, хотя и денегъ много, и слугъ житье есть кому. „А годы уходятъ — все лучшіе годы“... И вдругъ въ одинъ прекрасный день, въ день Рождества Христова, 26-лѣтнюю дѣвушку навѣщаетъ ужасное сознаніе, что „у нея въ жизни ничего уже больше не осталось“ и что дальше все будетъ такъ же неинтересно и нелѣпо. Что филантропія! Очень обидно признать себя неспособнымъ на большее, на что-нибудь серьезное и глубокое. Очень горько считать себя оставленною за штатомъ счастья...

Если слѣдовать г. Иванову (а ему кое гдѣ можно слѣдовать), то о „Бабьемъ царствѣ“ г. Чехова пришлось бы сказать словами нѣкоего Лисевича, фигурирующаго въ томъ же рассказѣ: „Вся новенькая литература на манеръ осенняго вѣтра въ трубѣ стоить и воетъ: „ахъ, несчастный! ахъ, жизнь твою можно уподобить тюрьмѣ! ахъ, какъ въ тюрьмѣ темно и сыро!“ По Лисевичу рекомендуетъ читать одного „страшнаго, чудовищнаго, сверхъестественнаго художника“ Мопассана, у котораго „что ни строка, то новый горизонтъ“, а г. Ивановъ, разумеется, такого совѣта не подастъ. Тѣмъ не менѣе, насколько можно понять почтеннаго критика по его статьѣ въ „Артистѣ“, онъ долженъ отнестись къ рассказу г. Чехова столь же сурово, какъ и ко всей прочей „новенькой литературѣ“, занимающейся сѣренькою жизнью и избѣгающей „блестящихъ натуръ“. Однако, въ подобномъ приговорѣ было бы столько же справедливости, сколько ея во всей статьѣ г. Иванова, т. е. почти ничего. Несомнѣнно, Анна Акимовна не „блестящая натура“, несомнѣнно, въ рассказѣ представлена сѣренькая жизнь, хотя и въ праздничный день; но также несомнѣнно и то, что г. Чеховъ задѣваетъ въ „Бабьемъ царствѣ“ довольно „серьезный вопросъ общественнаго содержанія“. Значить, отсутствіе героическихъ личностей отнюдь не обезываетъ къ пустотѣ литературы и въ неразрывной связи съ содержательностью не находится. Значить, вопросъ общественной важности можетъ обойтись и безъ „особенныхъ людей“, точно такъ же, какъ „блестящая натура“ не всегда имѣетъ общественную важность.

Въ томъ же номерѣ „Артиста“, гдѣ напечатана статья г. Иванова, помѣщенъ другой рассказъ г. Чехова — „Черный монахъ“. Это произведеніе требуетъ особаго вниманія.

Андрей Васильевичъ Ковринъ принадлежитъ къ образованнѣйшимъ людямъ нашего времени. Онъ — магистръ, чловѣкъ, посвященный въ таинства науки и къ тому же очень способный, даровитый. Вотъ только нервы его до такой степени расшатаны, что ему слѣдовало бы полѣчиться... Впрочемъ, еще неизвѣстно, неврасствѣ-ли виновата въ его фантазированияхъ, или, напротивъ, это вполне нормальныя мечтанія. Онъ знаетъ, что его считаютъ выдающимся чловѣкомъ, и самъ себя онъ причисляетъ несомнѣнно къ „блестящимъ личностямъ“. Съ нѣкотораго времени Коврина занимаетъ одна странная легенда:

„Тысячу лѣтъ тому назадъ какой-то монахъ, одѣтый въ черное, шелъ по пустынѣ, гдѣ-то въ Сиріи или Аравіи. За нѣсколько миль отъ этого мѣста рыбаки видѣли другаго чернаго монаха, который медленно двигался по поверхности озера. Этого втораго монаха былъ жиравъ. Теперь забудьте всѣ законы оптики, которыхъ легенда не признаетъ. Отъ жирава

получился другой миражъ, потому что другой трюкъ, такъ что образъ чернаго монаха сталъ безъ конца передаваться изъ одного слоя атмосферы въ другой. Но самая суть легенды заключается въ томъ, что ровно черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ монахи перешли въ пустыни, миражъ опять пошатнетъ въ земную атмосферу и покажется людямъ. И будто бы эта тысяча лѣтъ уже на исходе...

Ковринъ, очевидно, сильно заинтересованъ странной легендой. "Черный монахъ" является тою *idée fixe*, которая если не всегда, то въ известные моменты вытѣсняетъ все другія мысли, обращая человѣческій умъ въ полное рабство. Это не неврастѣнія, а настоящее помѣшательство, и г. Чеховъ не думаетъ защищать своего героя съ этой стороны; наоборотъ, разсказъ свой авторъ ведетъ такъ, что у читателя не остается ни малѣйшаго сомнѣнія относительно болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей маистра. Но этотъ больной, какъ увидимъ сейчасъ, говорить такіе интересные рѣчи, что его слѣдуетъ выслушать.

Идея о черпомъ монахѣ скоро реализуется для Коврина въ образъ. Монахъ существуетъ; тысяча лѣтъ уже прошла, и блуждающее по атмосферамъ существо является, наконецъ, самому Коврину. Онъ съ нимъ бесѣдуетъ, споритъ, какъ съ живымъ человѣкомъ. Разумѣется, Ковринъ окончательно съ ума сошелъ. Но читатель долженъ отказаться отъ ходячаго представленія о помѣшанныхъ людяхъ. Это далеко не всегда буйныя существа, производящія безумныя, бессмысленныя рѣчи; многіе изъ нихъ, напротивъ, отличаются рѣдкимъ кажущимся здравомысліемъ, послѣдовательностью и логичностью мышленія. Многіе сумасшедшіе живутъ по цѣлымъ годамъ среди здороваго общества на полныхъ правахъ нормальныхъ членовъ. Ковринъ принадлежалъ къ этимъ послѣднимъ. Помѣшанный, постыжаемый призракомъ "чернаго монаха", онъ затѣялъ романъ съ одной дѣвушкой, женился, прожилъ съ ней около двухъ лѣтъ, потомъ разошелся, и женился на другой. Все это было продѣлано съ видимой нормальностью. Только первая жена однажды замѣтила болѣзнь чеховскаго героя, но и для нея осталось непонятнымъ поведение мужа. Коврина стали лѣчить, "черный монахъ" началъ являться рѣже, и это такъ не нравилось герою, что онъ въ концѣ концовъ возненавидѣлъ свою родню, которая ухаживала за нимъ. Вотъ какой разговоръ однажды произошелъ между Ковринымъ и его женой:

— Ты самъ замѣчаешь, что молоко тебѣ полезно.

— Да, очень полезно! усмѣхнулся Ковринъ.

Поздравляю васъ: послѣ пятницы во мнѣ еще прибавился фунтъ вѣсу — Онъ крѣпко сжалъ руками голову и проговорилъ съ тоской: Зачѣмъ, зачѣмъ вы меня лѣчили? Бромистые препараты, праздность, теплыя ванны, надзоръ — все это доведетъ меня до идиотизма. И сходя съ ума, у меня была масса величій, но зато я былъ веселъ, бодръ и даже счастливъ, а былъ интересенъ, оригиналенъ.

Теперь я сталъ разсудительнѣе и соинтибѣ, но зато я такой, какъ все. Я — посредственность, мнѣ скучно жить... О, какъ вы жестоко поступили со мной! Я видѣлъ галлюцинаціи, но кому это мѣшало? Какъ счастливы Будда или Шекспиръ, что добрые рождественники и доктора не лѣчили ихъ отъ экстаза и вдохновенія. Доктора и добрые рождественники въ концѣ концовъ сдѣлаютъ то, что человечество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться гениемъ. Еслибъ вы знали, какъ я вамъ благодаренъ!

Дальнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Ковринѣ гласятъ, что онъ выздоровѣлъ, получилъ кафедру и женился на другой, на Варварѣ Николаевнѣ. Лекціи его не отличались талантомъ и блескомъ. Скоро, однако, черный монахъ его вновь навѣстилъ, т. е. герой г. Чехова снова помѣшался, и на этотъ разъ припадокъ имѣлъ уже роковой конецъ: Ковринъ умеръ съ блаженной улыбкой на лицѣ.

Такова вѣстная фабула разсказа. Но г. Чеховъ, какъ вамъ думается, избралъ ее лишь для выраженія нѣкоторыхъ важныхъ мыслей, свойственныхъ и нормальному мозгу. И, безъ сомнѣнія, такіе мысли въ произведеніи талантливаго писателя есть.

Характеризуя современнаго героя, г. Иванова, между прочимъ, говорить, что "взглядъ у новаго человѣка (т. е. у нынѣшняго героя) необыкновенно ясенъ и объективенъ". Какъ разъ наоборотъ! Самая отличительная черта нынѣшнѣшнѣшаго "новаго человѣка" заключается именно въ отсутствіи яснаго взгляда, въ неимѣніи твердыхъ устоевъ, въ вѣчномъ колебаніи и въ постоянномъ сомнѣніи. Объ этомъ свидѣлствуетъ литература и все наиболѣе типичныя дѣйствующія въ романахъ лица, объ этомъ говоритъ тотъ-же г. Чеховъ, и тоже подтверждаетъ самъ г. Ивановъ въ концѣ своей статьи, въ словахъ: "теперь явились неврастѣники, вытѣнки, скептики-эгоисты". А ужъ у такихъ господъ какой-же можетъ быть "ясный и объективный взглядъ"? Ковринъ относится всецѣло къ нимъ.

Сейчасъ нѣтъ мѣста для разсмотрѣнія мыслей героя г. Чехова, но, повторяемъ, онъ заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя ихъ высказываетъ и сумасшедшій "человѣкъ". Одна мысль выражена такъ: "повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ — все то, что отличаетъ поэтовъ, мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ человѣка, т. е. его физическому здоровью: если хочешь быть здоровъ и нормаленъ — иди въ стыдъ". Это сказано очень рѣзко, безъ оговорокъ и ограниченій, но значительная доля правды тутъ нѣтъся. Мысль о смежности границъ гениальности и помѣшательства благодаря Ломброзо хорошо извѣстна, и г. Чеховъ въ сущности развиваетъ ее же, только не въ научныхъ положеніяхъ, а въ художественныхъ образахъ, въ прелестномъ разсказѣ.

Н. С.—в.

[К. Сарджановъ]